

ОТ ФУРГОНА К СЦЕНЕ

М. Вечерняя Москва, 6/1 532

Московскому театру юного зрителя исполнилось пять лет. Он отпраздновал свой юбилей. Нескольким странно говорить о юбилее театра, до сих пор не имеющего своего помещения. До сих пор его актеры репетируют в каком-то сарае, у Москворецкого моста. Но говорят: нет хуже без добра. По этой ли причине, по другой ли, этот театр стал наиболее массовым и уличным в самом лучшем, в самом народном смысле этого слова. Пять лет выступал он на площадях и бульварах, на детских площадках. Несложное хозяйство упаковывалось в веселый и раскрашенный ящик, ящик ставился на фургон, и белая в яблоках лошадь развозила актеров по улицам. Театр выезжал и в слугбь страны, кочуя по колхозам Волги и центральной полосы. К нему шли деревенские дети и плелись за ними взрослые, с удовольствием слушая захватывающие представления.

Миллион с четвертью зрителей, миллион с четвертью будущих большевиков запомнил свой театр, с его песнями и шутками, с его занимательными спортивными ящиками, когда на глазах у восторженных ребятшек возникал, например, автомобиль. Он заикался своей фарой и с веселым шумом отправлялся в путь. И взрослый зритель воспитывается в театре, но для детей — это в первую очередь школа, занимательная и поучительная.

В чем отличие какого-нибудь утренника от специального детского театра? И тут и там сидят в зрительном зале школьники. Стоит ли в самом деле затевать особые театры для детей? Ответ прост. Мы никогда не отвыкнем видеть в театре зеркало жизни. Я скажу точнее: зеркало своей жизни. Увидит ли на утреннике школьник свою жизнь? Нет. Он случайно оказался на спектакле, который случайно ему пригодился, который случайно оказался для него подходящим. Посмотрите, что делается со взрослым рабочим, когда он сидит в Театре революции и смотрит «Мой друг» или у Корша, где ему показывают «Время вперед». Все насущные вопросы вынесены на сцену. В энтупристах Гае и Маргулиесе зритель узнает родных, близких, а может и себя самого. И сидит в зале этаким партийный чиновник. Он мрачнеет и мрачнеет, когда весь зал издевается и хохочет над тупыми головами, над партийными чиновниками Елкиным и Семечкиным. Тесно переплелись сцена и зал. Это диспут, это борьба, это занятный и веселый горячий диспут. Дело, начатое утром, продолжается вечером.

Вернемся к малышу. У него есть своя жизнь. У него есть жизнь школы с ее прекрасными и смешными сторонами, с ее соревнованием и лодырями. У него есть жизнь пионерского отряда и другое. Он хочет увидеть себя на сцене, себя и друзей своих, а также и своих подругов. Тут ему приходит на помощь детский театр. Вот почему этот миллион с четвертью ребятшек так полюбил свой театр юного зрителя. Дело, начатое утром в школе, продолжается днем (или в ранний вечерний час) на сцене. И страсти, разгоревшиеся днем (или в ранний вечерний час) на маленькой сцене МТЮЗ'а или иногда просто на фургоне, будут иметь свое продолжение утром в школе и в пионерском отряде.

Недавно Станиславский говорил о нашем новом зрителе. Он — новый зритель — удивительно сильно реагирует на происходящее на сцене. Это не прежний пресыщенный, холодный театролюб. Театр получил исключительно благодарного зрителя, свежего и темпераментного. Станиславский имел в виду взрослого зрителя. Был такой случай. Преступник заметил следы своего преступления. Но зрители-дети знали, что убийца именно он. И, когда негодяй шитворно спрашивал одного из героев:

— Кто же убийца?

...дети возмущенно закричали на весь театр:

— Что же ты врешь? Ты же сам его убил!

Песни, распеваемые на сцене, уносятся домой и звучат потом в школах и на площадках. На юбилейном вечере было много детей. Все они несколько раз видели «Взрыв», отрывок из которого был здесь показан. Был поздний час. Руководитель театра Ауслендер сказал:

— Школьники, я вам должен сообщить неприятное известие. Вам пора домой.

— Мы не маленькие! — закричали в зале.

Но с нами не согласились, и наиболее юные из юных были вынуждены покинуть зал. Некоторые постарше все же остались. Я следил за их лицами. Когда отец (китаец, кустарь) вырвал у сына книжку, на их лицах появилось возмущение. Я спросил одного:

— Который раз ты смотришь эту пьесу?

— Пятый.

А свежесть, а острота восприятия не убавалась!

Этот миллион с четвертью посетителей Театра юного зрителя требует для него помещения. Получив стационарный театр выйдет из периода становления и делается настоящим большим детским театром. Мы уверены, что он от этого не забудет и не забудет про свои улицы и бульвары, про свои площади и колхозные сараи.

С. ГЕГТ